

Антон Тихомиров

С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ. ОСОБЕННОСТИ ЭТИКИ МАРТИНА ЛЮТЕРА

В данном докладе передо мной стоит нелегкая задача. Дело в том, что излагать этику великого реформатора, не опираясь непосредственно на его учение об оправдании, представляется практически невозможным. А ведь именно учение об оправдании Мартина Лютера очень часто оказывается совершенно не понятным, прежде всего, самими его последователями. Поэтому сначала я попробую передать хотя бы самое основополагающее: оправданный во Христе верующий свободен от заботы о своем спасении. Он уже окончательно и безоговорочно спасен Богом. Он сам ничего не сделал для своего спасения и ничего не может к нему ни прибавить, ни убавить. Его спасение — только и исключительно в милостивых руках Бога. Соответственно, этические вопросы в своем большинстве, вопросы о правильном поведении не имеют к спасению никакого отношения.

Здесь огромное различие с этикой большинства христианских церквей. Этичность, «правильность» того или иного поступка или решения оцениваются Лютером не с точки зрения того, насколько они приближают к спасению или помогают удержать его (подобное допущение было бы кощунственным), а с точки зрения того, насколько этот поступок или решение помогает ближним. Евангелие Христа, безусловно, даруя нам спасение, освобождает нас от забот о самих себе

и направляет наше внимание на ближних. Соответственно, основным намерением христианина становится не исполнение закона как такового, а помощь ближнему.

Закон при этом (если мы рассматриваем его не в теологическом, а в так называемом «политическом», то есть как раз в этическом значении) становится не собранием абсолютных и самоценных норм, а набором ориентиров, позволяющих пробираться сквозь дебри человеческой жизни и принимать в каждом отдельном случае самостоятельные и ответственные решения.

Важно при этом осознавать, что ориентиры, которые задает закон, появляются впервые не в Библии. Они заложены в самой тварной человеческой природе. Лютер пишет: *«То, что заповедует Моисей, оно не ново. Ибо то, что Бог с неба даровал иудеям, это же самое написал он в сердцах всех людей, как иудеев, так и язычников, только что иудеям, как Своему избранному народу Он из преизбытка дал всему этому быть возвещенным человеческим голосом и быть написанным. Итак, я соблюдаю те заповеди, что дал Моисей не потому, что они даны Моисеем, а потому что они укоренены во мне от природы и потому что Моисей здесь полностью этой природе соответствует. А иные заповеди Моисея, которые от природы не укоренены во всех людях, язычники и не соблюдают, они их и не касаются (...) хотя они и замечательны (...)».*

Соответственно, библейские или иные религиозные заповеди могут оказаться полезными и в решении проблем нашей повседневной жизни. Однако здесь требуется осторожность. Продолжим цитату Лютера: *«С Писанием нужно обходиться и обращаться тщательно. С начала вре-*

Евангелие не может стать новым законом

мен Слово исходило различными образами. Нужно смотреть не только на то, является ли оно Словом Божьим, произносил ли его Бог, но и, прежде всего, на то, для кого оно было произнесено, касается ли оно тебя или кого-то другого. Здесь столь же большое различие, как между летом и зимой. Бог многое говорил Давиду, повелевал ему сделать то или другое. Но меня это не касается, это сказано не мне».

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что для этики Лютера характерны следующие особенности:

1. Реалистичность.
2. Евангельская спонтанность и ситуативность.
3. Положительное отношение к миру.

Реалистичность лютеранской этики выражается, прежде всего, в учении о двух Царствах. Суть этого учения сводится к тому, что Бог действует в мире двумя различными способами: через проповедь безусловной любви и прощения в Евангелии¹ ради вечного спасения и через структуры этого мира («власти» в терминологии Лютера) — ради уменьшения зла и преумножения блага на земле. Руководствуясь данными постулатами, приходится признать, что жизнь в мире не всегда может осуществляться «по Евангелию». Евангелие не может стать новым законом. Это было бы противоестественно. Жить по Евангелию так же невозможно, как жить по музыкальным нотам.

В мире есть свои законы, которые включают в себя возможность, а порой и необходимость насилия, и уж во всяком случае «воздаяния по заслугам». И эти законы установлены тем же самым Богом. Потому служение этому миру, даже самое «грязное», является прямым исполнением Его воли, хотя и может противоречить «евангельской» ценности безусловной любви.

Это не так просто понять, такая позиция может восприниматься как внутренне трагическая. Так немецкий церковный писатель и поэт начала 20-го века Йохенн Клеппер на примере короля Фридриха Вильгельма в своем романе «Отец» выразил это противоречие, вложив в уста одного из придворных такие слова: *«Короли, Ваше Величество, короли в вере, являются живыми притчами среди людей. Они хранители священного порядка Божия, за который Он Сам отдал Себя в Своем Сыне. Домоправителями тайн Его являются короли земли — даже тогда, когда они убивают»*. Сам же король мучается такими мыслями: *«Его ужасало быть королем и притчей Божьей, верша суд и повелевая, все более нуждаясь в покаянии и ниже самого несчастного из всех своих узников склоняясь перед судом Божьим. Ибо король обречен тяжелее грешить, чем все остальные люди»*.

доброе дело только тогда является по-настоящему добрым, когда совершается не из желания заслужить что-то у Бога или даже улучшить самого себя, а из спонтанного и бескорыстного порыва помочь ближнему

1 Под Евангелием в лютеранской теологии понимается не совокупность учения Иисуса Христа, а «только» весть о безусловном прощении грешника ради Христа. Это крайне важно учитывать! Значительная часть из того, о чем учил Господь, таким образом, относится к закону.

Для Лютера же характерным образом здесь никакого трагизма не было. Когда волна крестьянской войны грозила свергнуть весь цивилизованный мир в состояние хаоса, он не стеснялся призывать к жестокой расправе над восставшими, видя в ней дело, заповеданное и осуществляемое самим Богом ради сохранения Его мирского царства, то есть, в конечном счете, ради преумножения человеческого блага.

Таким образом, лютеровская этика предельно реалистична. Невозможно жить в мире и быть свободным от его законов. Сегодня, однако, мы более отчетливо осознаём, что Евангельские постулаты и законы этого мира различны — но не противоположны. Цель и тех, и других — благо людей. Радикально изменилась и структура общества, поэтому мы можем и должны выступать в пользу демократии и свободы, в пользу максимального милосердия и любви, в том числе и в мирских сферах человеческой деятельности.

Второй особенностью лютеранской этики мы назвали *евангельскую спонтанность и ситуативность*. Здесь речь идет о том, что верующий, будучи уже оправданным, свободен от заботы о своем спасении. Он совершает свои поступки, исходя не из мысли о том, принесут ли они ему «дополнительные баллы» перед Богом, а руководствуясь нуждой ближнего. Скажем, часто возникают дискуссии о том, нужно ли подавать милостыню нищему, если знаешь, что он распорядится полученными деньгами не лучшим образом. Типичным ответом становится: «Конечно, милостыню подавать нужно, ведь, в конце концов, она важна не столько для этого нищего, сколько для тебя самого». Лютеранство не приемлет такого ответа, поскольку он базируется на праведности дел, *самоправедности* человека. Лютеранское богословие гласит, что доброе дело только тогда является по-настоящему добрым, когда совершается не из желания заслужить что-то у Бога или даже улучшить самого себя, а из *спонтанного и бескорыстного* порыва помочь ближнему. Наша задача — помочь не себе, а именно ближнему. Поэтому подлинно нравственным импульсом является не исполнение абстрактного закона, общих — пусть даже самых божественных — заповедей, а поиск способа наиболее эффективной помощи конкретному нуждающемуся человеку с его конкретной жизненной потребностью. Соответственно, в ситуации, требующей этического решения, следует ориентироваться не только на «вечные» нормы и заповеди, но и на конкретную ситуацию, в которой человек оказался и которая, быть может, требует подхода не традиционного, а иного.

Лютер дал нам яркий пример такого подхода. Обратимся к одной истории, которую часто поднимают противники Лютера как вне, так и внутри лютеранской церкви. Речь идет о совете, который дал Лютер обратившемуся к нему за душепопечительской помощью графу Филиппу из

Гессена в 1539 г. Филипп принадлежал к числу активнейших сторонников Реформации, Лютер являлся ее вдохновителем — они оба оказались виновны перед судом последующих поколений, оказались преступниками в глазах многих. Но речь идет не только о суде будущих поколений. Граф совершил преступление, которое по имперскому закону могло караться смертной казнью, поэтому он был вынужден пойти на соглашение с императором и тем самым фактически разрушить уже наметившийся союз протестантских князей.

Итак, все началось с того, что граф Филипп в возрасте 19-ти лет в 1523 г. женился на Христине, дочери герцога Георга Саксонского — злейшего врага Реформации. Это был исключительно политический союз. Может быть, в политическом плане это была и неплохая идея. Однако, уже спустя три недели после свадьбы Филипп начинает жаловаться на то, что не может выносить своей жены. Она якобы очень неприветлива к нему, постоянно пьет. Правда, от этого брака рождается десять детей. Так или иначе в их семейной жизни дело обстоит очень плохо.

Уже с 1526 г. Филипп обдумывает возможность взять вторую жену — по примеру ветхозаветных патриархов. В этом же году он обращается к Лютеру за советом и получает решительный отказ: полигамия была разрешена во времена Ветхого Завета, поскольку она тогда была обычным делом. Сейчас христианин должен иметь одну жену. Исключением могут стать уж совсем чрезвычайные обстоятельства. В дальнейшем в подобных ситуациях Лютер и впредь твердо придерживается этой линии.

Разумеется, он разрешает развод, если один из брачных партнеров оказывается неверен. Но он все же постоянно подчеркивает святость брака. И именно это утверждение становится одним из важнейших аргументов в дальнейшем ходе событий.

Филиппу близкие ему люди советуют не мучиться и завести себе конкубину, как это делали открыто в то время многие, если не все, князья. Имел конкубину, например, Фридрих Мудрый, он даже оставил ее детям часть своего наследства. Однако Филипп не последовал этим советам, решив, что правильнее будет вступить во второй брак. Однажды Мартин Буцер, реформатор в Страсбурге, сообщает своему сподвижнику Лютеру, что Филипп из-за несогласий с собственной совестью уже несколько лет не подходит к Причастию. Разлад с совестью был вызван, очевидно, невозможностью удержаться от любовных походов.

**простое копирование
библейских практик,
равно как и отсылки
к авторитету Писания,
не обязательно будет
наилучшим решением**

Теперь Лютер дает ему новый совет. Главное остается прежним: развод невозможен. Однако, если дело обстоит так плохо, то пусть Филипп возьмет вторую жену. Это совершается с согласия Христины и при условии, что дети второй жены не смогут выдвинуть никаких правовых претензий на наследство. Еще одно условие — второй брак должен оставаться тайным. Люди должны считать вторую жену обыкновенной конкубиной.

Как следует оценивать этот совет: как моральное преступление, как ошибку или как акт мудрости Лютера? Прежде всего, обратим внимание, что Лютер прекрасно сознавал свою ответственность, он далеко не сразу и лишь после многих колебаний дал ответ на вопрос. Более того, он стремился, чтобы совет остался в тайне: не потому, что он стыдился его, а потому, что речь шла о единичном, исключительном случае, который нельзя превращать в правило, делать прецедентом. И, тем не менее, совет Лютера становится хорошим и ярким примером евангелической этики: иногда складываются обстоятельства, когда можно и нужно обойти закон или нарушить его, поскольку любовь превышает закон. Порой в жизни возникают такие ситуации, которые не описаны ни в одном законе, которые не предусмотрены ни в одном моральном кодексе и в которых христианину предстоит действовать под свою собственную ответственность, принимая иногда даже очень нестандартные решения. Такая этика крайне рискованна. Но другой нет и не может быть. На сегодняшний день совет Лютера вызывает вопросы не потому, что он слишком радикален, а потому, что он недостаточно радикален! Лютер не решился быть последовательным до конца: гораздо этичнее было бы разрешить развод. Но он не мог этого сделать: двоеженство было для него все-таки библейской практикой, которая в Писании не запрещается напрямую, а с разводом дело обстоит иначе! Урок для нас: простое копирование библейских практик, равно как и отсылки к авторитету Писания, не обязательно будет наилучшим решением.

Третьей важнейшей особенностью лютеранской этики является *положительное отношение к миру*. Средневековая культура была во многом проникнута отторжением мира, это была культура монашеская, культура аскетизма. Монашеское мышление предполагает, что путь к Богу — это одновременно путь от мира, что, только отрекаясь от земного, только умерщвляя плоть, можно приблизиться к Богу. Для Лютера все совершенно иначе. Мир создан Богом для радости людям. Поэтому истинная духовность не может заключаться в бегстве от мира. Только живя в мире среди людей, можно жить подлинно духовной жизнью. И, более того: жить в мире не значит принимать на себя все трудное и печальное и бежать радостей мира. Скорее наоборот, надо с благодарностью и наслаждением принимать все дары Бога. Отрекаясь от мира, человек убегает от реального дара Божьего, и убегает — куда? — в какие-то свои измышления

и представления о возвышенном и духовном. Дух не противоположен материальному, наоборот, Дух проявляется в материальном. Хорошим примером тому должны служить Таинства, в которых Божье прощение возвещается самым что ни на есть материальным образом.

Мысль и благочестие Средневековья, а во многом и нашего времени, стремятся к идеалу возвышенной чистоты, «непорочности». Человек должен как можно дальше удалить низкое, «животное» в своей природе и приблизиться к Богу своей моралью, аскезой и высокими разумными размышлениями. Область чувственного, телесного, сексуального часто воспринимается как нечто низкое, не вполне достойное человека как духовного существа. Оправдываемся ли мы делами или верой, эта часть человеческого естества в сознании христианина остаётся совершенно непричастной к оправданию, отдалённой от Бога.

В средние века, а часто и сегодня, религию относят исключительно к духовной сфере, в которой человек принимает высокоразумные и глубокопродуманные решения, испытывает возвышенные чувства. Мы все были и остаемся в глубине души «монахами». Для Лютера религиозная жизнь, подлинная духовность не просто включала в себя телесный аспект, но прямо-таки требовала его. Телесность — неотъемлемая часть человеческой жизни. Таким образом, мы не должны делить свою жизнь, свои потребности на нечто «возвышенное» и нечто «низкое», «духовное» и «животное». Бог создал нас такими, какие мы есть. Это была Его воля — даровать нам тело и все необходимые потребности. Отказываться от этих потребностей — это значит противостоять Богу. Ведь и наша «животная» часть является элементом «образа и подобия Божьего». Человек является таковым в своей целостности: всякое разделение на «духовное» и «плотское» как минимум условно, а как максимум ложно! Для Лютера в чувственности человека не было ничего постыдного. Наоборот, в ней осуществляется непосредственная воля Божья — воля к жизни и воля к радости!

По этому поводу Лютер пишет: *«Дьявол знает, как играть нами, он печальный, скорбящий дух, дух, который не может выносить веселого сердца (...). Мы не можем запретить птицам летать над нашей головой, но мы вполне можем не позволить им вить гнезда у нас в волосах. Ищи же хорошей компании, играй в карты или во что-либо другое, что доставляет тебе удовольствие. И делай это с чистой совестью. Депрессии приходят не от Бога, а от дьявола».*

для Лютера религиозная жизнь, подлинная духовность не просто включала в себя телесный аспект, но прямо-таки требовала его

Лютер противостоял дьяволу, по своему же собственному выражению, «одной рукой сжимая кружку пива, другой — обнимая жену». Незадолго до своей смерти Лютер пишет своей жене из Эйслебена: «Мы живем здесь великолепно... Вино здесь очень неплохое, а наумбургское пиво просто замечательно. Смола в этом пиве не вызывает у меня затрудненности дыхания. Дьявол отравил нам пиво во всем мире смолой, а у вас еще и вино серой. Здесь же вино чисто».

Да, христианин должен идти по трудному и узкому пути, с этим Лютер абсолютно согласен. Однако понимает он этот путь совершенно иначе, чем монахи и пуритане всех мастей, для которых этот путь труден и узок потому, что ведет в сторону от мирских соблазнов и радостей. Для Лютера речь идет о трудности отвлечься от себя самого, от своих усилий, направленных ко спасению, и от пустых угрызений совести. Христианин должен обратить свой взгляд единственно на Христа, в определенном смысле заставить свою совесть, искаженную законом, замолчать. Известны слова Лютера: «*Pecca fortiter, sed fortius fide et gaude in Christo*» — «Греси мужественнее, но еще более веруй и радуйся во Христе». Они стали ответом на печальные размышления Меланхтона о том, что ему часто бывает трудно понять, какой поступок в той или иной ситуации будет правильным, ведь так легко ошибиться, принять ложное решение и согрешить. Лютер же подчеркивает: грех, подлинный грех не в моральных прегрешениях, не в сексуальной склонности человека, как часто учили в Средние века, не в мирских удовольствиях, даже не в каких-либо серьезных проступках. Подлинный грех — это то, что отделяет нас от Бога, состояние человеческой природы после грехопадения. И это состояние теперь преодолено — но преодолено не нашими чистыми и высокими делами, не особенно

**христианин должен
обратить свой взгляд
единственно на Христа,
в определенном смысле
заставить свою совесть,
искаженную законом,
замолчать**

возвышенной моралью, а только верой во Христа. И, если мы веруем, то ничто уже не сможет отделить нас от Бога. Отныне не нужно бояться отдельного личностного греха, нет необходимости тщательно взвешивать каждый поступок, страшась тем самым совершить грех. Нужно смело и решительно действовать во благо ближних — в этом заключается дарованная человеку свобода. С этой точки зрения прав один из исследователей Реформации, который сказал, что Лютер свел этику с небес на землю.